

Д.В. Мальцева
РЕЛЯЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ:
НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ?

РЕЛЯЦИОННАЯ СОЦИОЛОГИЯ: НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ?

МАЛЬЦЕВА Дарья Васильевна – аспирант социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, социолог-аналитик Исследовательской группы ЦИРКОН. E-mail: d_malceva@mail.ru

Аннотация. В 1970–1980-е гг. сложилась новая дисциплина, получившая название «анализ социальных сетей». Несмотря на то что некоторые положения этого направления, претендующие на статус теоретических, были сформулированы его представителями (Б. Уэллман), часть исследователей (М. Эмирбайер, Дж. Гудвин, М. Мизраши) стала высказывать критические замечания относительно невысокого уровня теоретичности этой дисциплины, предлагая в качестве более зрелой альтернативы направление реляционной социологии. В статье представлена история становления двух упомянутых направлений сетевых исследований и показано, что каждое из них является автономным и теоретически наполненным. Делаются выводы об уровне социологического знания, к которым следует относить эти направления.

Ключевые слова: социологическая теория, сетевой подход, социальные сети, сетевой анализ, структурный сетевой анализ, реляционная социология, сетевая теория, формалистская сетевая теория, реляционалистская сетевая теория.

RELATIONAL SOCIOLOGY: NEW ERA IN THE ANALYSIS OF SOCIAL NETWORKS, OR AN INDEPENDENT TREND?

MALTSEVA Dar'ya Vasil'evna – fellow, Faculty of Sociology, Russian State University for Humanities; ZIRKON Group analyst. E-mail: d_malceva@mail.ru

Abstract. In 1970-80s a new discipline was formed; it was named «The analysis of social networks». Despite the fact that certain ideas of the discipline claiming to be theoretical were declared by its representatives (B.Wellman), some researchers (M.Emirbayer, J. Goodwin, M. Mizrachi) started criticizing them for not being theoretical enough; they put forward the relational sociology as a more solid alternative. The evolution of the above-mentioned movements in network research is studied in the paper; each of them is autonomous and theoretically completed. To conclude, the authors describe the level of sociological knowledge referred to both trends.

Keywords: sociological theory, network approach, social networks, network analysis, structural network analysis, relational sociology, network theory, formalist network theory, relationalist network theory

Сетевой подход обладает большим потенциалом для решения задач современной социологии [14, 15, 19, 20]. В западной социологии это направление активно развивается с середины прошлого века; в 1970-е гг. анализ социальных сетей был признан в качестве

самостоятельной дисциплины. В 1980–1990 гг. возникли теоретические традиции, также использовавшие понятие «сеть», в частности направление реляционной социологии, которое понималось как новая версия анализа социальных сетей, учитывающая его недостатки. Действительно ли реляционную социологию можно рассматривать как улучшенную версию анализа социальных сетей или каждое направление представляет отдельную традицию? К какому уровню социологического знания можно их отнести?

Попытаемся ответить на эти вопросы, проанализировав оба направления в рамках авторского исследования, посвященного изучению сетевого подхода в социологии. Эмпирической базой послужили данные о развитии идей сетевого подхода в социологии, в том числе фиксирующие интеграцию идей сетевого подхода в мировую и отечественную социологию, представленные в источниках, поиск которых осуществлялся преимущественно в англоязычных базах данных научной периодики JStore и Science Direct, а также в российской электронной научной библиотеке eLibrary.ru.

Анализ социальных сетей как самостоятельное направление сформировался в 1970–1980-е гг. главным образом в американской социологии. По мнению представителей этого направления, некоторые основания для его развития были заложены еще в классической социологии XIX в., в частности в работах О. Конта, изучавшего общество в терминах взаимосвязей между индивидами, и Г. Зиммеля, рассматривавшего влияние структур социальных отношений на их содержание. Затем на протяжении довольно длительного периода сетевой анализ развивался параллельно и независимо в работах представителей различных дисциплин: в обзоре одного из основателей направления, Л. Фримана, указано более десятка независимых групп со своими традициями анализа, занимающихся сетевыми разработками в 1940–1960-х гг.: социометрия Я.Л. Морено, антропологические исследования У.Л. Уорнера, исследования в области социальной психологии, политологии, экономики и даже социальной географии [15].

Среди дисциплин, в наибольшей степени повлиявших на становление направления, отмечаются количественные статистические исследования, характерные для американской социологической традиции, а также британская антропология с присущим ей этнографическим подходом к изучению социальных сетей. Термин «социальная сеть» был введен в 1954 г. антропологом Дж. Барнесом при анализе связей, пересекающих родственные группы и социальные классы в норвежской деревне, а первый способ измерения сетевых структур — плотность — разработан Э. Ботт [24, 25]. Решающее влияние на развитие SNA оказало включение в анализ математических методов (теории графов, дискретной математики и матричной алгебры), а также, чуть позже, развитие компьютеров и создание программ для обработки и визуализации данных, которые способствовали унификации методов и позволили анализировать большие объемы информации. К 1970-м гг. сообщество исследователей, занимающихся разработкой сетевой проблематики, было довольно эклектичным и носило интердисциплинарный характер.

Становление сетевого анализа как самостоятельной дисциплины связано с именем Х. Уайта, специалиста в области теоретической физики и социологии, благодаря которому были выпущены многие важные работы в традиции SNA [10, 11], а вокруг Гарварда сложилась тесная группа социологов, занимающихся сетевой проблематикой. Влияние Уайта на развитие дисциплины становится понятным после ознакомления со списком его студентов: по словам Фримана, «фактически *“Who Is Who”* в анализе социальных сетей», среди них знаменитые исследователи П. Бирман, П. Бернар, Ф. Боначич, Р. Брейгер, М. Грановеттер, К. Кэрли, Б. Уэллман, К. Фишер и другие [17, р. 127].

Становлению направления во многом способствовала работа по институционализации, предпринятая в 1980–1990-е гг. некоторыми членами сообщества сетевых аналитиков. Начиная с этого времени у исследователей в области SNA появились возможности для постоянного обмена знаниями: в 1976 г. по инициативе Б. Уэллмана основана профессиональная ассоциация — Международная сеть анализа социальных сетей (International Network for Social Network Analysis – INSNA), затем стали выходить журналы «Connections» и «Social Networks». С 1975 г. проводятся регулярные конференции, в том числе ежегодная конференция INSNA Sunbelt Social Networks Conference. Отдельно стоит отметить онлайн-конференцию в рамках проекта EIES (Electronic Information Exchange System), которая существовала с 1978 по 1981 г. и объединила около 40 сетевых аналитиков. Сетевой анализ получил признание и в образовательной среде: появилось несколько междисциплинарных программ в области SNA. Важную роль в развитии сыграла государственная поддержка.

Используя предложенную канадским социологом Б. Уэллманом метафору, можно сказать, что в ходе исторического развития *«небольшие культы социальных сетей, которые существовали до 1960-х гг., к 1976 г. объединились в секту — основанию Международной сети анализа социальных сетей и к 2000 г. превратились в институционализированную мультидисциплинарную “церковь”»* [26].

Со временем подходы, использующие концепт сети в качестве *метафоры*, постепенно развились в более широкую перспективу, включающую способы измерения социальной структуры и специфический взгляд на нее. Однако вопрос об уровне знания, к которому следует относить новое направление: *«является ли он главным образом набором техник для анализа структуры социальных взаимодействий или содержит более широкие концептуальные рамки, теоретическую ориентацию или даже философию жизни»* [18], — вызвал дебаты среди его приверженцев. Казалось бы, представление об анализе социальных сетей менялось вместе с его развитием, однако разделение во взглядах наблюдается и в настоящее время. Если часть исследователей отмечает теоретический или даже парадигмальный характер направления [14, 17, 20, 24, 25], то другие используют «редукционистские» определения и понимают сетевой анализ главным образом как набор технологий, методов анализа данных [2, 13].

Анализ публикаций дает основания рассматривать SNA в качестве одного из направлений структурного подхода в социологии [2, 19, 20, 25]. Отсюда следует, что сетевой анализ — *«тип структурной социологии, основанный на эксплицитном представлении о влиянии социальных отношений на индивидуальное и групповое поведение»* [19], и, следовательно, говорить о наличии его теоретических оснований все-таки можно.

Одна из первых немногочисленных попыток описания теоретических оснований анализа социальных сетей предпринята Б. Уэллманом [24, 25]. Он выделил ряд основных характеристик и базовых аналитических принципов, на которых основываются представители направления.

Первой характеристикой сетевого (или структурного, как называет его Уэллман) анализа является утверждение о том, что *главная задача социологов состоит в исследовании социальной структуры* [25, р. 156]. Отсюда следует, что объектом изучения в SNA служат *отношения*, понимаемые как связи между узлами, а не индивиды, группы индивидов, их характеристики и категории. При этом само по себе объединение акторов в сеть не является главным интересом — *анализ социальных сетей фокусируется на изучении глубинных структур, детерминирующих содержание отношений.*

Уэллман выделяет 5 принципов, направляющих работу исследователей в рамках структурного сетевого анализа. Первый можно обозначить как **принцип антиметодологического индивидуализма, или антикатегориального императива**. Он основан на критике определений объектов через приписывание их к заданным категориям и перекрестное сведение заданных характеристик («пожилые женщины с высоким статусом, голосующие за республиканцев»), распространенное в количественных социологических исследованиях. По мнению представителей SNA, группировка индивидов должна осуществляться исходя из эквивалентного структурного положения, а не эквивалентного категориального членства [10, р. 732], поскольку *«структурированные социальные отношения являются более сильным источником социологического объяснения, чем персональные атрибуты членов системы»* [25, р. 31].

Второй принцип постулирует **антинормативный характер объяснения поведения** индивидов. В отличие от методологического индивидуализма, исходящего из представления о наличии у входящих в категорию индивидов общих принятых норм, который приводит к интерпретации социального поведения как *нормативно управляемого феномена*, представители SNA рассматривают нормы как возникающие из положения в системах социальных отношений. Поскольку *«учет индивидуальных мотивов — работа, которую лучше оставить психологам»* [25], в сетевом анализе нормы рассматриваются как **эффекты, следствия** структурного положения (определяющего и ресурсный доступ или ограничение), а не его *причины*.

Кроме методологического индивидуализма сетевой анализ выступает против изучения диад или групп в качестве исходных объектов анализа. Изучение диад (Дж. Хоманс) предполагает, что связи между двумя людьми могут анализироваться без отсылок к другим связям в сети, т.е. в структурной изоляции. В сетевом анализе связи между двумя индивидами важны не только сами по себе, но и как части социальной сети, в которую они включены. Отсюда следует принцип, постулирующий, что **социальные структуры детерминируют диадические отношения**. Еще один принцип постулирует невозможность рассмотрения дискретных групп в качестве блоков крупномасштабных социальных систем — в SNA социальные системы рассматриваются как сети сетей, перекрывающиеся и взаимодействующие различными способами: **«мир состоит из сетей, а не из групп»** [25].

Другую важную характеристику анализа социальных сетей можно обозначить как **дуализм групп и акторов**. Речь идет о восходящей к Г. Зиммелю идее о том, что **природа групп детерминирована пересечением акторов внутри них** (т.е. связями членов групп друг с другом, как и с другими группами и индивидами), тогда как **природа акторов определена пересечением групп между ними** (через их групповые принадлежности). Индивидуальное и групповое поведение, с этой точки зрения, не может быть понято одно без другого. Анализ на индивидуальном и групповом уровнях в SNA дает возможность соединить теоретическую пропасть между микро- и макросоциологией.

Следующее общее основание для представителей сетевого подхода у Уэллмана — **использование общих аналитических принципов**. Автор выделяет 6 таких принципов [24, 25], которые являются *«смесью определений, предположений, частично протестированных гипотез и эмпирических обобщений»* [24].

Несмотря на важность предпринятой Уэллманом попытки задать теоретические основания новому направлению SNA через фокус на отношениях и наличие определенной силы в выделенных им принципах и положениях, представленная модель, строго говоря, не является консистентной теорией. Как пишет Э. Эрикссон, акцент на отношениях, сделанный

Уэллманом, действительно *отчасти* носит теоретический характер, поскольку определяет важные лежащие в основе онтологические предпосылки, однако он «недостаточно комплексный для того, чтобы рассматриваться как теоретическая система взглядов, а также не формирует набор логически последовательных предпосылок, которые могут быть использованы для создания гипотез. В связи с этим он не может рассматриваться как теория в любом используемом смысле этого слова» [15]. Это послужило основой выдвижения ряда критических замечаний в адрес структурного анализа социальных сетей.

В 1990-е гг. ряд исследователей [14, 19], описывая основные достижения сетевого анализа, стали прибегать к критическим замечаниям, которые были нацелены на придание большего теоретического веса новому направлению.

По утверждению М. Эмирбайера и Дж. Гудвина, «несмотря на свою растущую известность, сетевой анализ не подвергался теоретически обоснованным оценкам и критике» [14, р. 1412]. Работы представителей этого направления чаще всего описывали базовые концепты, обсуждали технические процедуры и подводили итоги эмпирических исследований. Интерес к изучению сильных и слабых сторон сетевого анализа был невелик.

По мнению критиков, для того чтобы стать более теоретическим, анализ социальных сетей должен был закрыть некоторые пробелы структурного объяснения. В частности в качестве одного из недостатков указывалось неадекватное понимание **культурных компонентов социального действия**, связанное с понятием норм. Например, структурная сетевая теория может объяснить, почему, если друзья человека являются политическими либералами, он сам, скорее всего, поддерживает схожую политическую позицию, однако она не может ответить на вопрос, почему определенные группы людей придерживаются либеральных взглядов. Следовательно, по М. Мизраши, сетевая модель при всей ее привлекательности не может определить содержание индивидуальных предпочтений [19]. Этот аргумент стал основой критики сетевого анализа Бринтом в 1992 г., который отмечал, что «чрезвычайно структуралистская школа раннего сетевого мышления стремится “лишить голоса” культуру, чтобы сделать социальные структуры в большей степени подлежащими анализу», но при этом не дает возможности делать выводы из чисто структурных объяснений [21].

Другое направление критики относилось к **понятию человеческой деятельности** в сетевом анализе — вопрос о том, что представители SNA только подчеркивают степень, до которой человеческие действия испытывают влияние ограничений и возможностей, но не могут разработать всеобъемлющую модель человеческой деятельности, поднимался в работах Э. Гидденса, В. Хайнса, А. Коэна и С. Бринта [19].

Представители сетевого анализа демонстрировали его значительную аналитическую силу как исследовательской стратегии в отражении критики. Так, Уайт в ответе Бринту не отрицает, что нормы играют важную роль для функционирования социальных структур, но утверждает, что социальные структуры являются важным *исходным условием* для создания общих нормативных рамок. Относительно второго замечания Мизраши отмечает, что довольно удачная попытка включить деятельность в структурную теорию предпринята в знаменитой работе Берта, посвященной «структурным дырам» [12]. Тем не менее высказанная критика уже заложила основания для становления другого сетевого направления — реляционной социологии, которая как раз и включала указанные культурные компоненты в фокус своего внимания.

Критика структурного анализа и развитие направления реляционной социологии происходили в рамках более широкого теоретического контекста развития социологической

дисциплины в 1970–1980-х гг., который можно охарактеризовать как культурный поворот [5]. Растущий запрос на исследования культурной сферы в 1960-е гг., интерес к микросоциологии и качественным методам, формирование направления социологии культуры, включение культурных аспектов в качестве объектов исследования постепенно привели к тому, что в 1990-е гг. культурный поворот в социологии завоевал довольно прочные позиции: получила развитие постмодернистская социология, делающая сильный акцент на культуру (Дж. Урри, С. Лэш, М. Фезерстоун); многие известные исследователи стали помещать культуру в центр своего анализа (З. Бауман, У. Бек, Б. Латур, М. Кастельс, Р. Коллинз) [5]. Отдельно нужно отметить сильную программу в культурсоциологии Дж. Александера и Ф. Смита [1], поднявшую на высокий уровень дискуссию о переосмыслении места культуры в социальной жизни.

Постепенно в меньшей степени структурно и в большей степени культурно ориентированные сетевые исследователи стали переосмысливать некоторые исходные точки сетевого анализа и включать в него культурные компоненты. Если ранние программные работы в SNA обращали внимание только на структуру социальных отношений, игнорируя культурное содержание и значение связей, позже исследователи стали приходить к тому, что изучение отношений требует обращения к культурным предпосылкам поведения, поскольку смыслы отношений могут меняться в конкретных культурных и интерсубъективных контекстах [20].

С другой стороны, исследователи, занимавшиеся изучением культуры с помощью качественных методов, также долгое время не применяли сетевой анализ для изучения процессов интерпретации и создания значений в сетях [18]. Строгие процедуры структурного анализа социальных сетей были недоступны менее математически ориентированной части исследовательской аудитории, которая, однако, тоже могла тяготеть к его основным идеям. В 1980–1990-е гг. некоторые ее представители (М. Эмирбайер, Дж. Гудвин, М. Сомерс) пришли к выводу, что эмпирические сети — это сети смысловых отношений, учреждаемые в дискурсе и являющиеся продуктом культуры [20], и начали использовать техники анализа социальных сетей для изучения культурных и исторических процессов (Э. Эрикссон, К. Кэрли, П. Бирмен, Дж. Мор, Р. Гоулд). Используя понятия Берта, можно говорить о том, что новое направление реляционной социологии стало мостом в тех структурных дырах, которые существовали между структурным сетевым анализом и более интерпретативно ориентированными культурными исследованиями [14].

Направление реляционной социологии развивалось в нескольких интеллектуальных центрах — одним из первых идеи реляционного направления изложил П. Донати (1983, 1991), затем последовали работы Х. Уайта (1992), Г. Баджойта (1992), С. Лафламма (1995), М. Эмирбайера (1997), Н. Кроссли (2010), М. Арчер (2012) [22]. Представительница реляционной социологии Э. Мише выделяет нью-йоркскую школу реляционной социологии, представленную Центром социальных наук П. Лазарсфельда в Колумбийском университете (США) и Выпускным факультетом Новой школы социальных исследований, где под руководством Х. Уайта и Ч. Тилли в 1990–2000-е гг. прошли семинары, посвященные обсуждению вопросов сетей, культуры и деятельности, ставших основой для формирования широкой интеллектуальной исследовательской сети. Были выпущены важные работы: классическая ныне статья Эмирбайера и Гудвина 1994 г., в которой была предпринята попытка разобраться в происходящих в структурном сетевом анализе изменениях и описать новое направление реляционной социологии [14], программная для реляционной социологии статья-манифест Эмирбайера [13], подчеркивавшая лежащую в ее основе философию

анализа социальных сетей, «которая выходила бы за пределы использования математических техник» [18], а также программная работа Уайта «Идентичность и контроль» [27, 28].

Поскольку социология в целом и сетевой анализ в частности изначально были основаны на изучении социальных отношений, призыв к реляционной («relational», т.е. основанной на отношениях) социологии может казаться «излишним и даже странным» [20]. Однако ситуация проясняется, когда английское «relational» связывается с подходом, получившим название «реляционализм» («relationalism»): «...фокус на отношениях — это не то же самое, что реляционализм, как он определен в современной социологической теории», — отмечает Эриксон [15]. Суть идеи реляционной социологии заключается в том, чтобы рассматривать социальную реальность как *динамичные разворачивающиеся отношения (транзакции), продолжающиеся и непрерывные процессы, неотделимые от контекстов*, и именно транзакция как динамический процесс, а не составляющие ее элементы, становится главным объектом анализа. В фокусе внимания оказываются не только структурные, но и культурные компоненты (понимаемые как локальные практики и смыслы, дискурсы, репертуары и нормы [21]), которые рассматриваются неотделимо друг от друга. Свой транзакционный подход Эмирбайер противопоставляет субстанциализму, изучающему социальный мир как «статичные узлы среди инертных сущностей» [13, p. 289].

В реляционной перспективе части анализа рассматриваются как независимые сущности, предшествующие любым отношениям, которые, однако, получают свою целостность и идентичность только в основанных на них отношениях, из меняющихся функциональных ролей, которые они играют в процессе; сам объект формируется в ходе транзакции. Заранее существующие акторы, входя в транзакции, не могут оставить их прежними: появляются новые акторы, новые сущности, новые отношения среди старых частей. Нет смысла отделять существующие элементы от потоков, в которые они вовлечены (и наоборот): «Никто не будет говорить об охотнике и его цели изолированно, без отсылки к охоте. Таким же абсурдом, однако, можно считать охоту мероприятием, изолированным от пространственно-временной связи с остальными компонентами», — приводит Эмирбайер цитату Дьюи и Бэнтли [13]. Отсюда вытекает антисубстанциалистский характер реляционной социологии — придерживающиеся этой перспективы исследователи отрицают возможность ставить обособленные, заранее данные объекты, такие как индивид или общество, в качестве исходных точек социологического анализа, поскольку отдельные индивиды не отделимы от контекстов транзакций, в которые они встроены.

Изложенные идеи подняты на высокий уровень теоретизирования в работах Х. Уайта [27, 28, 29]. Еще будучи структурным детерминистом в 1970-е гг. во время работы в Гарварде, Уайт был поглощен мыслями об отсутствии теоретического понимания того, что он называл типами связей — базовых измеряемых частей математического подхода к сетевому анализу. По мнению представителя реляционной социологии Ж. Фьюза [16], предложенная Уайтом техника блокмоделинга, определяющая культурный порядок сети и позволяющая включить уровень смысла в сетевые исследования, уже была своего рода прорывом, выходом за пределы структурного сетевого направления.

В поздних работах Уайт пришел к пониманию того, что взаимоотношения между сетевыми структурами, культурой и деятельностью должны быть переосмыслены. Результатом такого переосмысления стал синтез сетевого анализа с культурным подходом. В предложенной Уайтом модели фокус рассмотрения социальных сетей сместился с объективистского взгляда, рассматривавшего эмпирически обозримые отношения, к реляционному, для которого исследование смыслов было в той же степени важным

основанием для изучения социальной жизни. В реляционной социологии Уайта сети состоят из культурно созданных процессов коммуникативных взаимодействий, предусматривающих неразрывное смешение сетевых отношений (структуры) и дискурсивных процессов (культуры). Социальные структуры являются результатом соединения и разъединения узлов акторами в различных окружениях.

Ядром коммуникации между людьми выступает язык — акт перевода от одного человека к другому. По Уайту, смысл передается, обобщается, освобождается и делается реальным через реляционный по природе акт разговора; он извлекается из отношений, поскольку возникает только в том случае, когда две идентичности соединены в акт перевода, коммуникации или обобщения. Смысл является смутным и хаотичным до того, как реальные отношения его манифестируют, хотя бы на срок кратковременной и непостоянной интеракции. Отсюда и отношения понимаются как динамичные, кратковременные и случайные.

Теория социального действия Уайта предлагает новое понимание акторов, действий и социальных отношений. Строя свой подход на эмпирически обозримых неоднородностях и случайностях в действиях, с которыми люди сталкиваются в каждодневной жизни, Уайт радикально отступает от статичной организованности структуралистского сетевого подхода. Как пишет С. Мютцель, Уайт *«выталкивает социологическую теорию за пределы теории рационального выбора, структуралистской, механистической и “основанной на переменных” модели к более динамичной и контекстуальной модели, учитывающей, как смыслы возникают в контексте отношений и в то же время как отношения производят смыслы»* [20].

Несмотря на абстрактный характер и сложность работ Уайта (которая отмечалась и самим ученым [6]), очевидно, что реляционная социология предлагает более теоретический взгляд на анализ социальных отношений. Этот подход можно было бы рассматривать как новую, улучшенную версию анализа социальных сетей. Однако обращение к работе американской исследовательницы Э. Эриксон задает другой вектор рассмотрения соотношения этих двух направлений.

Эриксон выделяет в анализе социальных сетей два направления, две сетевые теории: формалистскую (*formalist theory*) и реляционалистскую (*relationalist theory*) [15]. Из представленного описания оснований двух направлений, а также критики формалистской теории сторонниками реляционализма, повторяющей критику сторонников реляционной социологии структурного анализа социальных сетей, можно заключить, что речь идет о двух описанных выше сетевых направлениях. По Эриксон, каждое выделенное направление обладает признаками теории, но при этом отличается друг от друга — в противоположность критическим идеям Эмирбайера и Гудвина, логически последовательный формализм не приводит к принятию культуры и деятельности как компонентов, придающих больший теоретический вес SNA [15].

Сравнивая два направления, Эриксон отмечает, что оба они основываются на социологии Г. Зиммеля, которая, однако, признанно содержит противоречивые элементы и является достаточно комплексной для того, чтобы поддерживать разные интерпретации — формалистскую и реляционалистскую. В частности Г. Яворский зафиксировал полувековую борьбу в интерпретациях работ Зиммеля Р. Мертоном, откуда следует, что Зиммель — формалист (определение, выбранное самим Зиммелем), и представителями феноменологического направления, отмечающих ее реляционалистские элементы (Э. Кассирер и Э. Гуссерль). Сама Эриксон видит в работах Зиммеля в большей степени формализм, идущий от Канта, чем феноменологию, идущую от Спинозы, она утверждает, что

именно формализм, а не феноменология в работах Зиммеля повлиял на анализ социальных сетей. Поскольку «понимание логики за этим формализмом может прояснить вопросы, которые озадачили критиков анализа социальных сетей, а также отсутствие интереса в культуре и содержании многих исследователей» [15], Эриксон обращается к философии Канта – именно оттуда Зиммель почерпнул идею, что отношения возникают из социальных форм, а не наоборот, при этом они задают форму отношениям (транзакциям), что и является одной из ключевых идей структурного анализа социальных сетей. В качестве теоретических оснований реляционализма Эриксон указывает, во-первых, американскую прагматическую традицию (Дж. Дьюи, Ч.Г. Пирс, Дж.Г. Мид), а также феноменологию. Зиммель также здесь выступает как отец-основатель, однако не в формальной, а в реляционной ипостаси.

Сравнивая направления между собой, Эриксон отмечает, что они по-разному трактуют **контент (содержание) и контекст отношений**. В формальной социологии Зиммеля форма объединений не может существовать без реальных объединений (содержания), но она не определяется ими (так же как форма вазы не определяется содержащейся в ней жидкостью). Содержание форм не является для Зиммеля социальным и требующим социологического объяснения, поэтому **контент, содержание отношений**: дружба, соревнование, ненависть, любовь, – не просто вторичны по сравнению с формами, они вообще **намеренно выдвигаются за пределы анализа**. В этом, по Эриксон, и состоит наследие Зиммеля для представителей структурного анализа социальных сетей – теоретическая основа его формальной социологии, которая в своей экстремальной точке *полностью игнорировала бы человеческую субъективность, сознательные и бессознательные смыслы и чувства, испытываемые людьми, включая их восприятия, познания и отношения* [15]. Следовательно, для формалистского подхода характерен **приоритет моделей социальных структур абстрактных форм над типами отношений**. Таким образом, делает вывод Эриксон, «отсутствие интереса к контенту не является оплошностью внутри формалистского подхода к социальным сетям, это часть действующей исследовательской программы, нацеленной на определение эффектов моделей социальных отношений» [15]; именно в игнорировании контента и заключается аналитическая сила структурного анализа социальных сетей.

Исходя из структуралистских предпочтений Зиммеля, помимо контента, **вторичным для социологического исследования форм является и контекст**, поскольку они должны «*происходить во всех обществах и контекстах*» [15]. Исследования в этой теоретической перспективе нацелены на идентификацию фундаментальных социальных процессов, которые могут (и должны) повторно происходить в различных социальных, исторических и культурных контекстах. Следовательно, в формалистском подходе **контекст тоже не входит в сферу изучения при исследовании моделей социальных структур**.

Реляционная социология, по Эриксон, имеет другое отношение к контенту и контексту: **содержание связи (контент) находится в самом центре анализа, а сетевые структуры, только будучи включены в более крупные обстановки, являются релевантными** – эти более крупные обстановки характеризуются такими качествами, как неслучайность, непредвиденность (Х. Уайт), историчность (М. Сомерс).

Другое различие между направлениями, которое выделяет Эриксон, состоит в разных взглядах на проблему сочетания **макро- и микроуровней анализа (соотношения категорий индивидуального и группового)**. Зиммель-формалист, рассматривая общество и индивидов как дуальные сущности, но при этом переплетенные друг с другом, отдает **приоритет группе, структуре** (а не микроинтерактивным моделям), которая детерминирует индивидуальный выбор. В реляционализме эти категории проблематизируются через фокус на отношениях:

индивидуальное и групповое не являются сущностными категориями, это просто разные проявления схожих процессов. Поскольку отношения являются локальными, множественными и гетерогенными, индивиды испытывают влияние каждого отношения, но пространство деятельности актора сохраняется внутри пересечений разных отношений. Таким образом, учитывая тип и содержание связей, реляционализм позволяет видеть, как разные связи создают разные возможности, которые служат основой для индивидуального выбора; согласованность и пересечение связей создают структурные возможности деятельности. Отличия между подходами касаются и понимания ими **человеческой деятельности**: если для первого направления деятельность находится в акторах, то в реляционной версии деятельность, наоборот, находится в отношениях между ними.

Стоит добавить, что два направления имеют и разный взгляд на **понятие сети**: в структурном сетевом анализе оно используется исключительно как аналитический инструмент, конструкт для измерения, а в реляционной социологии сеть рассматривается и в качестве феноменологической реальности.

Ценность работы Эриксона заключается в том, что она позволяет, во-первых, рассматривать и структурный сетевой анализ, и реляционную социологию как направления, *обладающие признаками теории*. Во-вторых, структурный анализ социальных сетей представляется не недоработанной теорией, ошибочно не включающей в фокус своего изучения важные концепты, которые затем вошли в более правильное направление реляционной социологии — вывод из анализа работ Эмирбайера, Гудвина и Мизраши. Вероятно, правильнее было бы говорить о том, что критика структурного сетевого анализа не улучшила имеющуюся версию SNA, а привела к формированию отдельной теоретической модели.

Итак, два сетевых направления — анализ социальных сетей и реляционную социологию — это автономные, не зависящие друг от друга подходы к сетевым исследованиям, имеющие собственные теоретические основания.

Структурный анализ социальных сетей может считаться отдельным теоретическим подходом в рамках парадигмы структурализма (по типологии И.Ф. Девятко [3]). Если говорить о теориях, которые он включает как теоретический подход, скорее это теории среднего уровня (по Р. Мертону [4]) или специальные социологические теории (по В.А. Ядову [8]), такие как теория транзитивности или теория пяти рукопожатий. Поскольку теории среднего уровня находятся между второстепенными, но необходимыми рабочими гипотезами и общей теорией, способной объяснять все наблюдаемые закономерности, встает вопрос о возможности создания такой теории в анализе социальных сетей.

Реляционную социологию нужно относить к другой — интерпретативной — парадигме, а также понимать ее как теоретический подход, в котором могут выделяться конкретные теории. Примером является теория социального действия Х. Уайта, которая претендует на статус общесоциологической (по Р. Мертону), общей теории (по В.А. Ядову) или обобщающей теоретической концепции (по Ж.Т. Тощенко) [7].

Набор современных направлений вовсе не ограничивается двумя представленными теоретическими подходами. Между чистыми вариантами структурного сетевого анализа и реляционной социологии находятся другие направления, в разной степени учитывающие культурные и структурные компоненты [14, 18]. Однако сетевые идеи плохо связаны друг с другом [20]. Это позволяет говорить об актуальности изучения и разметки современного сетевого поля, поскольку, помимо теоретической значимости, оно имеет значимость практического характера. Во-первых, представители различных направлений исходя из

логически неконсистентных оснований могут столкнуться со сложностями с оценкой и интеграцией идей друг друга, что приводит к торможению их развития. Во-вторых, отсутствие связи между различными направлениями может негативно сказываться на формировании их общего образа как значимого направления теоретических изысканий социальных наук. В качестве примера можно привести направление *новой науки сетей* (New science of networks) [9, 23], сформировавшееся в естественных науках в 2000-е гг., представители которого слабо заимствовали уже изложенные идеи социологов, переоткрывая заново изученные факты, и до сих пор, за некоторым исключением, представляют собой отдельную группу ученых.

Литература

- 1 Александер Д., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С.11-30. Пер.: Alexander J. C., Smith Ph. Strong Program in Cultural Sociology, 2001.
- 2 Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии : учеб. пособие / под ред. Г. С. Батыгина. М. : Новый учебник, 2004. 248 с.
- 3 Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М. : Чистые воды, 2003. 336 с.
- 4 Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 880 с.
- 5 Морато А. Р. Консенсус и споры о культуре в нынешней социологии // Социологический ежегодник, 2009 : сб. науч. тр. / ред. и сост. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. М., 2009. С. 56–70.
- 6 Радаев В. В. Интервью с Х. Уайтом // Экономическая социология. Автопортреты. М. : ГУ ВШЭ, 2002.
- 7 Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
- 8 Ядов В. В. Стратегия социологического исследования : описание, объяснение, понимание соц. реальности. 3-е изд., испр. М. : Омега-Л, 2007. 567 с.
- 9 Varabasi A. Linked : the new science of networks. Perseus Books, 2003. 288 p.
- 10 Boorman S. A., White H. C. Social structure from multiple networks. II. Role structures // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 81, Nr 6. P. 1384–1446.
- 11 Boorman S.A., Breiger R. L. White H. C. Social structure from multiple networks. I. Blockmodels of roles and positions // American Journal of Sociology. 1976. Vol. 81, Nr 4. P. 730–780.
- 12 Burt R S. The Social capital of structural holes // New Directions in Economic Sociology / ed. by M. F. Guillen, R. Collins, P. England. New York, 2001. P. 201–246. URL: <http://faculty.chicagobooth.edu/ronald.Burt/research/files/SCSH.pdf>.
- 13 Emirbayer M. Manifesto for a relational sociology // American Journal of Sociology. 1997. Vol. 103, Nr 2. P. 281–317.
- 14 Emirbayer M., Goodwin J. Network analysis : culture, and the problem of agency // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 99, Nr 6. P. 1411–1454.
- 15 Erikson E. Formalist and relationalist theory in social network analysis // Sociological Theory. 2013. Vol. 31, Nr 3. P. 219–242.
- 16 Fuhse J. A. The Meaning structure of social networks // Sociological Theory. 2009. Vol. 27, Nr 1. P. 51–73.

- 17 Linton F. C. The development of social network analysis : a study in the sociology of science. Vancouver, CA : Empirical Press, 2004. 205 p.
- 18 Mische A. Relational sociology. Culture, and agency // The SAGE Handbook of social network analysis / ed. by J. G. Scott and P. J. Carrington. SAGE Publications, 2011. P. 80–98.
- 19 Mizruchi M. S. Social network analysis: recent achievements and current controversies / Acta Sociologica. 1994. Vol. 37, Nr 4. P. 329–343.
- 20 Mutzel S. Networks as culturally constituted processes : a comparison of relational sociology and actor-network theory // Current Sociology. 2009. Vol. 57, Nr 3.
- 21 Pachucki M. A., Breiger R. L. Cultural holes : beyond relationality in social networks and culture / Annual Review in Sociology. 2010. Vol. 36. P. 205–224.
- 22 Relational Studies in Sociology : [веб-сайт]. URL: <http://www.relationalstudies.net>.
- 23 Watts D. J. The “New” science of networks / Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 243–270.
- 24 Wellman B. Network analysis : from method and metaphor to theory and substance // Social Structures : a network approach / ed. by Wellman B., Berkowitz S. D. New York : Cambridge University Press. 1988. P. 19–61.
- 25 Wellman B. Network analysis: some basic principles. sociological theory. 1983. Vol. 1. P. 155–200.
- 26 Wellman B. The development of social network analysis: a study in the sociology of science by Linton C. Freeman // Contemporary Sociology. 2008. Vol. 37, Nr 3. P. 221-222.
- 27 White H. Identity and control : a structural theory of social action. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1992.
- 28 White H. Identity and control : how social formations emerge. 2nd ed. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 2008.
- 29 White H., Godart F. C. Switchings under uncertainty: the coming and becoming of meanings // Poetics. 2010. Vol. 38. P. 567–586.